

ВОСТОК

ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ И ИСКУССТВА

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

**«ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА -- 1924 г. — ЛЕНИНГРАД**

может найти конструктивную основу для создания новой опоры духовного бытия. Едва ли, однако, реальные условия дают возможность ожидать обновления мира от каких бы то ни было религиозных учений. Личная убежденность и вера автора и в других местах заменяет объективные научные данные. История Мухаммеда излагается на основании легендарных источников с субъективным рационализированием их; развитие ислама дается в том аспекте, который автору кажется морально - желательным. С европейской научной литературой он хорошо знаком, но выбор ее крайне случаен; только мельком упоминается Гольдциер, результаты исследования Вельгаузена, Картани, Лямменса, Беккера прошли для книги совершенно бесследно. Апологетическая тенденция иногда влечет несколько оригинальные следствия. Автору известны методы библейской критики, и он их применяет, поскольку речь идет о христианстве или иудаизме, но совершенно забывает, когда изложение переходит к исламу. Миссионерские трактаты против ислама Мьюра и Звемера часто вызывают его внимание; полемизируя с ними, он применяет их не всегда научные методы, и в результате некоторые главы его книги напоминают перевернутого на изнанку Звемера. Искренность автора, несомненно, подкупает читателя в его пользу, но все же по его книге можно составить представление только об одном из современных течений в исламе, а не о «духе ислама» в его исторической эволюции.

И. Кр.

● *Hsu Shih - Chang* (вместо *Su Cheu - Tch'ang* = Сюй Шичан), *Président de la République de Chine. La Chine après la guerre*, Paris 1922. Стр. 191.

Бывший президент Китайской республики написал эту книгу, как публицист-информатор и публицист - идеолог. В первой части он делает очень обширный, хотя в то же время чисто литературный обзор последствий войны и попыток к восстановлению политико - экономического равновесия. Только во второй части (со стр. 67) он начинает говорить о Китае, считая нужным дать нечто в роде беглой энциклопедии китайской цивилизации и культуры.

Так, он толкует о древности кит. цивилизации и экономической организации, включая сюда национальную характеристику: о китайских искусствах и богатствах, о производственных организациях и, наконец, об образовании. Третья часть посвящена идеологии и говорит о «жадных надеждах мира на Китай», о возможностях китайского прогресса, о «секрете постоянного мира» и надеждах Китая на будущее.

Основную задачу своей Сюй считает доказательство, — вернее, пропаганду той мысли, что Китай зависит от мира одновременно с зависимостью от Китая этого последнего в своей совокупности. Миссия Китая, при этом, оказывается, велика.

«Война показала ярче, чем когда - либо, до какой степени Восток и Запад друг от друга зависят, и эта очевидность потрясла обе стороны. Никогда еще не представлялось более счастливого случая осуществить полную гармонию двух типов цивилизации. Кто же, спрашивается, в этой крайней необходимости лучше других может по своему положению эту гармонию вызвать к жизни? Наш ответ: Китай, и только Китай; Китай — это восточная цивилизация, и именно на него, непременно на него падает долг облегчить создание этой гармонии, Мы должны привить западную цивилизацию нашей, ибо последняя, как чисто интеллектуальная и моральная, не может длительно существовать, не опираясь на достаточное экономическое развитие. Но и мы должны распространить нашу собственную цивилизацию на Западе, ибо материалистическая философия кончила бы тем, что погубила бы весь мир, в том числе и Китай. Вот почему мы верим, что, ради собственного благополучия, или из альтруизма, наш народ выполнит свою миссию в точности».

Эта тирада покоится на определении Востока и Запада (стр. 166), перед которым президент не отступает, несмотря на вековечность проблемы. Ему все совершенно ясно, хотя он и признает, что говорит общими словами. «Интеллектуальная формация Запада, большей частью, порядка объективного (!) и материального, хотя она имеет и свою духовную сторону. Она придает значение вещам, осязаемым и видимым, и основа ее прогресса в соревновании... Формация же Востока, наоборот, настаивает на нематериальной стороне цивилизации и думает, что социальная база есть самообладание и соподчинение людей». Возражений, очевидно, не предвидится, и это к лучшему, по крайней мере, для тех издателей, на которых Сюй рассчитал свою книгу.

Он, между прочим, не отказывается и от характеристики своего народа (стр. 68), которую делает не хуже любого миссионера из европейцев, привлекая к блестящим аттестациям и Конфуция, и легенды, ему предшествующие, и многое прочее, нужное для адвокатуры. Но человеку науки приходится пожалеть, что столь редкий случай появления книги, принадлежащей видному политику, не принес с собою объективности, которую, казалось бы, как ученик европейцев, он, по собственному же рецепту, должен бы был усвоить.

Единственным утешением для читателя является вывод самого Сюя, что урок дерущейся Европы должен подсказать Китаю, что и ему пора перестать драться. Но эти «должен, мы должны» наполняют ритмически - монотонно слишком много страниц для того, чтобы можно было поверить в осуществление всех этих долженствований. И чему могут тут помочь великолепные фразы, в роде следующей: «Будущее Китая

зависит от его парода, и каждый из нас должен (!) сознать важность роли, которую ему придется играть?»

Обильная фразеология скрывает, однако, в себе много полезного, в смысле информации, и может быть некоторым комментарием к China Year Book 1921/22. Но и только!

В. Алексеев

● *Madame Juliette Adam* (Juliette Lamber) *L'Angleterre en Egypte*. Paris 1922. 80, страниц 416.

Книга принадлежит известной политической и общественной деятельнице, журналистке, долгое время издававшей собственный орган «Новое Обозрение». Ее первые выступления, обратившие внимание Европы, «в защиту угнетенных наций» относятся еще к 70-м годам: объекты ее интереса неоднократно менялись, но неизменным оставался живой отклик на обращенный к ней зов и умение идти вровень с событиями. Новая книга служит этому очень хорошим подтверждением. Египет близко привлекал симпатии Ж. Адаман с 80-х годов после английской оккупации, но особенный толчок к интересу дало личное знакомство в 1895 году с Мустафой Кямилем, будущим основателем национальной партии, до последнего времени игравшей важную роль. В 1904 году Адаман посетила Египет и, таким образом, почти в течение 50 лет с напряженным вниманием следит за его судьбой. Национальная партия, особенно на первых шагах, немало обязана ее содействию, как неоднократно заявлял и Мустафа Кямиль.

Книга преследует вполне определенные задачи: цель ее — защита Египта с политической точки зрения» (стр. 12). Научного значения она, конечно, не имеет. Исторические экскурсы в область древнего Египта иногда могут вызвать улыбку; повторяется и отвергнутая наукой легенда о сожжении александрийской библиотеки Омаром (стр. 11). Нельзя требовать от нее и научной объективности: слишком близки все события последнего времени и слишком близкое участие принимал в них автор.

Значение ее — в первостепенном материале, приводимом в виде различных документов, писем, журнальных статей о Египте за последние 30—40 лет. Если очерк истории Египта до 80-х годов и в первое время после оккупации достаточно бледен и лишь выдержанного плана, то личные воспоминания о Мустафе Кямиле и создании национальной партии играют роль очень важного источника. Во многом они дополняют письма М. Кямиля и Ж. Адаман, которые были изданы в 1909 году в Каире с арабским переводом. Такое же значение имеют документы по истории Египта после 1914 года; в приложении приводятся целиком и меморандум Мильнера 18 августа 1920 г., и Керзона 10 ноября 1921 г., равно как соответствующие заявления

официальной делегации. Полностью во французском переводе дана и английская белая книга со всей дипломатической перепиской, предшествовавшей снятию протектората с Египта 28 февраля 1922 г., и объявлению его королевством. Помимо приложения, вся часть книги, посвященная этому периоду, содержит очень много данных и подлинных документов, впервые попадающих в Россию. Для установления правильного хода событий она будет очень полезна уже тем, что даст возможность внести некоторые коррективы в материалы с более распространенной английской точкой зрения.

И. Кр.

● *Abû Dolâma. Poète bouffon de la Cour des premiers Califes abbassides par Mohammed Ben Cheneb*. Alger 1922. 80 стр. 168.

Одна из французских диссертаций, о которых была речь в прошлом номере «Востока» (стр. 167), в настоящее время получена в Петрограде. Тема выбрана удачно и представляет интерес не только для узкого круга специалистов по арабской поэзии, но и для всех желающих ближе познакомиться с культурной жизнью халифата накануне его расцвета. Абу Дуляма стоит на рубеже двух династий — омейядской и аббасидской, при которой протекло около 25 лет его жизни (ум. в 777 г.); эпохи Харуна ар-Рашида он уже не дождался. По своему облику личность его мало симпатична: он представлял тип распущенного придворного шута, все помыслы которого направлены на подачки. Прodelки окружают его ореолом бродячего литературного типа, такого же как Ходжа Насреддин или Джуха; историчность их очень часто подвержена сомнению, так как с одинаковой легкостью они приписываются разным лицам. Самые анекдоты, однако, очень живо рисуют эпоху со всеми ее неприглядными сторонами морального упадка в городских крупных центрах. Для поэзии они дают меньше: Абу Дуляма звезда не первой величины, и среди его современников нам известны более славные имена, более благодарные для литературного анализа. В полном отсутствии таланта его обвинить, конечно, нельзя, и, например, чертами неподдельного юмора он, несомненно, превосходит многих известных нам поэтов того же периода. Живой рассказ про купленную в долг невольницу (№ 44) заставляет забыть и про то, что цель его — получить средства на уплату этого долга; знаменитое описание мула, объединявшего в себе все пороки (№ 45), трудно читать без улыбки.

Перед автором диссертации — природным арабом, известным уже ученым и профессором в Алжирском Медресе, стояла трудная задача: дивана (собрания стихотворений) Абу Дулямы до наших дней не сохранилось, и его отрывки приходилось собирать